

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20166-75>

Исследовательская статья

Халидова Ольга Борисовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский Федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
o.khalidova2011@mail.ru

РОССИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В УПРАВЛЕНИИ ОКРАИНАМИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ «РУСИФИКАЦИИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – нач. XX в.

Аннотация. Историческое включение в состав России многонациональных и поликонфессиональных территорий с проживающими на них народами, находящимися на разном уровне общественного и культурного развития, предопределило направленность государственной национальной политики на сохранение единства и целостности страны. Непростые взаимоотношения центра и окраин заставляли правительство искать наиболее эффективные способы включения вновь приобретенных территорий в российскую государственную систему. Исходя из этого, статья посвящена проблеме внедрения интегративных практик на Северо-Восточном Кавказе после окончания Кавказской войны в контексте политики «русификации», служившей идеологическим основанием для имперского универсума. В связи с этим, в представленном исследовании уделено внимание некоторым вопросам реализации русификаторского курса в изучаемом крае: миссионерских практик с одной стороны и внедрения русского языка как общегосударственного в качестве основного инструмента скрепления империи в единое целое – с другой. В основу исследования положена концепция т.н. «новой истории империи», основополагающим принципом которой является изучение способов взаимодействия центра с окраинами. Актуальность исследования продиктована имеющимся в отечественной и мировой историографии масштабным научным наследием, посвященным изучению российской политики в отношении отдельных регионов империи. На сегодняшний день проблема изучения теории и практики в управленческой деятельности Российской империи и востребованность в научной среде исследований с использованием новых подходов и ответов настоятельно требует формулировки широких обобщений и концептуальных выводов. Результаты исследования позволили заключить, что интеграционные практики на Северо-Восточном Кавказе, основанные на идеи русификации, дали региону новый импульс развития во многих сферах жизни. При этом население региона смогло выработать свои способы адаптации к реформам и переменам имперской власти, сохранив свой собственный культурный потенциал, сложившийся здесь испокон веков.

Ключевые слова: Россия; Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; империя; политика; интеграция; периферия; русификация; образование; русский язык

Для цитирования: Халидова О.Б. Россия на Северо-Восточном Кавказе: интегративные практики в управлении окраинами в контексте политики «русификации» во второй половине XIX – нач. XX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 1. С. 66–75.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH20166-75>

Research paper

Olga B. Khalidova,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Center of RAS, Makhachkala, Russia
o.khalidova2011@mail.ru

INTEGRATING THE NORTH-EAST CAUCASUS: RUSSIFICATION POLICIES IN THE LATE IMPERIAL ERA (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract. The historical incorporation of diverse multinational and multi-confessional territories, inhabited by peoples at varying levels of social and cultural development, has predetermined the focus of state national policy on ensuring the unity and integrity of the country. The complex relationship between the center and the periphery compelled the government to seek the most effective ways to integrate the newly acquired territories into the Russian state system. Building on this, the paper considers the problematic issue of introducing integrative practices in the North-East Caucasus after the conclusion of the Caucasian War, within the context of the “Russification” policy. This policy served as the ideological foundation for the imperial project. In this respect, the study examines specific issues regarding the implementation of the Russification policy in the region. These issues include, on the one hand, missionary practices, and on the other hand, the introduction of the Russian language as the national language, serving as a central tool for consolidating the empire. The research draws upon the extensive domestic and international historical scholarship on Russian imperial policies towards various regions. Recognizing the abundance of existing research, this study highlights the urgency for fresh perspectives and answers within the academic community. It seeks to contribute through broad generalizations and conceptual conclusions regarding the management practices of the Russian Empire. The study concludes that while integrative practices based on the Russification brought about development in various spheres of life in the North-East Caucasus, the region’s population also developed its own strategies for adapting to imperial reforms and changes. This process allowed them to preserve their unique cultural heritage, deeply rooted in the region’s history.

Keywords: Russia; North-East Caucasus; Dagestan; empire; policy; integration; periphery; russification; education; Russian language

For citation: Khalidova O.B. Integrating the North-East Caucasus: Russification Policies in The Late Imperial Era (Late 19th – Early 20th Centuries). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 1. P. 66-75.

Введение

На сегодняшний день анализ имперского опыта для «изучения сложносоставных, мозаичных обществ, для которых свойственно сложное наложение и сосуществование разных, часто отрицающих друг друга режимов культурных различий» [1] продиктован разработкой парадигмы взаимоотношений регионов и центра в масштабах государства.

Имперская матрица в своем стремлении к организации некоего имперского универсума в процессе расширения территории России и формировании нового пространства, с опорой на принципы самодержавной власти и сословности, ставило, прежде всего, задачу обеспечения стабилизации и безопасности существующего режима. Решение поставленной задачи правительство стремилось достичь и за счет достижения лояльности местного населения, в первую очередь политической и социальной элиты, и доминирования русских в национально-государственных институциях. Первостепенной была выработка стратегии по универсализации множественных микросоциумов, находящихся на различных уровнях политического и социокультурного развития. Руководствуясь данным принципом, правительство осуществляло специфические мероприятия по отношению к разным этническим группам. Комплекс мер по их аккультурации и ассимиляции, а также унификации и интеграции окраин империи применительно к России получил название «*русификация*»¹.

На сегодняшний день растет число исследователей как российских [2-5], так и зарубежных [6-8], ориентированных на изучении этого процесса более детально. Феномен империи исследуется ими в рамках т.н. «*новой истории империй*», или *империологии*, основу которой составляет концепт *локальности*, а фокус исследования смещается от описательной истории к изучению этнических и культурных различий. Опровергая национальный вектор, рисующий империю абсолютным злом для национальных окраин, продуктивным подходом к пониманию сложной природы Российской империи исследователи-империологи видят в изучении «групп и тенденций внутри нерусских народов, которые желали присоединиться к русскому государству и русской культуре» [9, с. 30]. Важно отметить, что конечным результатом «русификации» должна была стать «*русскость*» населения окраин Российской империи [11, с. 61].

Таким образом, на современном этапе развития исторического знания, и конкретно кавказоведения, возникает потребность в переосмыслении эпохи Российской империи периода второй половины XIX – начала XX в., когда проходило включение инокультурной периферии в ее состав. Необходимо рассмотреть историю региона в составе Российской империи через широкий спектр вопросов и проблем, сделав особый акцент на «характере отношений между центром и периферией, реконструкции идеологических обоснований имперской политики и практик» [10].

Выбранный в качестве объекта регион, – Северо-Восточный Кавказ, территория которого была достаточно обширна и разнообразна по своему этническому составу,

1. Речь идет об общем концепте имперских окраин. Проводимая государством политика по отношению к каждой из них (Сибирь, Польша, Финляндия, Средняя Азия, Кавказ) имела различные стратегии и практики в управлении. Северо-Восточный Кавказ был регионом, автохтонное население которого уже имело свою сложившуюся политическую культуру, что вызывало определенные трудности для имперских властей, вынуждая их действовать более деликатно.

в рассматриваемых нами хронологических границах – второй половине XIX – начале XX в. представлял собой широкое территориальное пространство, где проживали автохтонные народы, сформировавшие к этому времени глубокие социально-политические и культурные традиции. Несмотря на окончание Кавказской войны, здесь сохранялась опасность сопротивления управленческим инициативам российского государства. Последнее подводило Россию к необходимости выработать особую модель управления здешним краем. В связи с этим, центральное место в данной проблематике занимает изучение способов реализации интегративных практик в контексте политики «русификации» на Северо-Восточном Кавказе.

«Русская идея» в дискурсе российского общества

Окраины империи были различны как по религиозному, так и по этническому фактору. Это накладывало отпечаток на отношения регионов с центральной властью. Огромный конгломерат, состав которого отличался исключительно пестрым этническим, конфессиональным и социальным разнообразием, требовал от власти «работать в режиме постоянного приспособления к новым ситуациям, перенастройки своего взаимодействия с местными сообществами и поиска возможностей для согласования их интересов с собственными приоритетами» [12, с. 6]. Это означало, что управлять подобным многообразием империи было не просто сложно, – требовался постоянный поиск рычагов эффективного воздействия.

Качественно новым этапом для имперского управления явилась эпоха модерны второй половины XIX в. Отправной точкой на пути к «эпохе великих реформ» стала отмена крепостного права. Российское государство, будучи одной из континентальных империй со сложившимся к этому времени политико-территориальным комплексом, оказалось в бурном потоке процессов модернизации.

Остро встал вопрос о выработке приемлемой модели государственного управления с объединением под единой имперской властью гетерогенных периферий и сохранением «единой и неделимой России». Член Государственного Совета барон Н.И. Николаи, рассуждая об утверждении «русской силы», не просто призывал «к возможному объединению разнородных элементов», а подчеркивал, что цель этого объединения должна быть «преследуема постоянно, настойчиво, но, вместе с тем, осторожно и разумно», при этом власть может время от времени уступать, но не отходить от главной цели [13, с. 206–207].

На протяжении всего XIX в. вопрос взаимоотношений различных народностей как между собой, так и с властью, становится центральным и в рассуждениях представителей общественно-политической мысли России. Принципы решения т.н. «окраинного» вопроса нашли отражение в работах общественных деятелей и представителей российской интеллигенции [14–17]. Отправной точкой здесь становится т.н. «русская идея», в основе которой была заложена роль внутреннего духовного начала русского народа в коммуникации с иными этносами в истории Российского государства [18]. Помимо соответствия двум критериям, – вероисповеданию и языку, наиболее актуальным в понимании и трактовке определения в отношении русского человека являлась «сплоченность всех подданных империи державным патриотизмом»².

2. О началах русского воспитания. Речь, произнесенная в торжественном собрании первой Московской гимназии 3-го октября 1854 года преподавателем русского языка и словесности Тертием Филипповым. СПб., 1890. С. 10.

Дискурс, развернувшийся в российском обществе о поисках ответа на вопрос о включении окраин империи, имел различные точки зрения в зависимости от отношения к концепции «единой и не делимой» России. Первостепенной была необходимость создания целостной нации путем достижения единства веры и языка как духовной основы. Однако в региональной практике эта идея осуществлялась в пространственной диспропорции и не всегда имела задуманный и успешный результат.

Механизмы «русификации» в социокультурном пространстве

Включение Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи определило новые векторы для его дальнейшего развития. Центральное место в интеграции населения в общеимперское пространство занимал процесс, направленный на то, чтобы проживающие здесь народы стали «соучастниками в истории русского народа» [19, с. 2]. В проектах по управлению регионом подчеркивалось, что «для достижения мира в беспокойном крае, часть которого составляют магометане и горцы, ни в коем случае нельзя руководствоваться грубой силой, произволом, преследованиями... Мир и тишина, купленные этими средствами, были бы непрочны» [21, с. 125]. По мнению одного из российских государственных деятелей того времени Г.А. Евреинова, в перспективе край должен был «стать страной русской культуры», но при сохранении некоторых свобод и прав [21, с. 126]. Лучшим способом для того считалось колониационное управление [20, с. 482].

Миграционный процесс, имевший на первых порах естественную природу, уже со второй половины XIX в. приобретает не просто очертания механического, а становится главным приоритетным направлением для самодержавия – «военно-казачью оседлость» сменяет «народная колонизация». Одной из причин такого поворота был и социальный фактор, создание в регионе опоры в лице русского населения; позволяло предотвратить угрозу отторжения Кавказа. Однако попытки сделать «благонадежный русский элемент» социальной опорой для административных преобразований преследовали и цель оказания «немаловажного нравственного воздействия» на местных жителей. Кроме того, российское правительство надеялось, что «приток русского земледельческого населения ... окажет значительное культурное влияние на ... туземное население в смысле приобщения его к мирному занятию земледелием, ... что в смеси с русским населением скорее забудет свое обособление от русских и взаимную вражду» [22, с. 8]. Важно отметить, что планы правительства в этом отношении были осуществлены. Научные исследования подтверждают многовековое положительное влияние на коренное население, особенно в хозяйственном отношении [23].

Важнейшим элементом русской идентичности, которая должна была укрепляться на окраинах России, была его духовная составляющая как один из признаков максимальной политической благонадежности. Принадлежность к православной вере рассматривалась как один из основных маркеров процесса русификации. Здесь особые надежды возлагались на миссионерскую деятельность православной церкви, с помощью которой покорение Кавказа становилось возможным не физически, а духовно. Не имея обширных знаний об обычаях, особенностях быта и менталитете горского населения, невозможность держать горцев в повиновении с помощью одной только

военной силы, признавали, как военные деятели на Кавказе, так и православное духовенство. Так, в своем рапорте Святейшему Синоду Экзарх Грузии архиепископ Евсевия Карталинский и Кахетинский³ о мерах по успешному распространению православного вероучения среди горских народов, определял их состояние «как полудикое», связывая это с «суровой природой мест их обитания и постоянными войнами друг с другом». Указывая на плачевное нравственное состояние горских народов, экзарх отмечал с похвалой такие качества как гостеприимность и верность своему слову, но делал акцент на их «грубости, жестокости и дикости»⁴. Однако, обеспечение духовной близости с горцами Дагестана, а равно с чеченцами, кабардинцами, черкесами на западе горного Предкавказья, по замечанию одного из славистов империи А.С. Будиловича, вызывало большие затруднения [24, с. 31]. Подобная мысль подтверждается и результатами миссионерской деятельности православной церкви в русле христианизации горского населения. О малочисленных успехах в изучаемом нами регионе свидетельствовали и сведения о приобщении к православной вере, например, среди чеченского народа, которые публиковались на страницах еженедельно издаваемого печатного издания Владикавказской и Моздокской епархий⁵. И в более поздний период, при изучении доступных для нас архивных источников, были выявлены случаи обращения горцев Дагестана в христианскую веру, желание которых было продиктовано, в основном, бытовыми установками. Но подобные факты были единичными [25, с. 85–86]. В дальнейшем, российскими властями был выработан целый порядок касательно миссионерской деятельности среди представителей неправославной веры.

Дагестанские исследователи констатируют о весьма активном осуществлении во второй половине XIX в. «политики по внедрению христианства среди горцев», в частности, Закатальского округа, отмечая ее «насильственный» характер [26, с. 355–356; 27, с. 172]. Р.А. Фадеев, описывая события, относящиеся к этому периоду, указывал на факт «обращения природных лезгин в христианство», но, при этом, характеризовал этот процесс достаточно легким. И речь здесь, по словам военного историка и публициста того времени, не шла о перемене веры, – горское население зачастую принимало новую веру «за выгоды, или, скорее, за обещания» [20, с. 420]. Но, несмотря на то, что правительство, безусловно, было заинтересовано в обращении горцев в христианство и всячески способствовало этому процессу, в официальных документах постоянно подчеркивалась недопустимость применения насилия в этом вопросе.

Постепенно, правительством было признано, что миссионерская христианская практика не способствует сближению коренных народов с русской средой, а только усугубляет ситуацию «в губерниях с преобладающим мусульманским населением»⁶. Приоритетным направлением в развитии народов Кавказа становится работа в деле «усвоения языка господствующего племени» [21, с. 126], отмечая, что данный процесс необходимо проводить «не в механическом, а органическом сроднении с русской образованностью» [24, с. 75]. Как утверждал министр народного просвещения граф

3. Был назначен 1 марта 1858 г. императором Александром см.: Из копии Указа Святейшему Правительственному Синоду от 1 марта 18568 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 91. Л. 2.

4. Из рапорта Евсевия, архиепископа Карталинского с запиской о мерах к успешному распространению на Кавказе христианства // РГИА. Ф. 796. Оп. 141. Д. 2040. Л. 4–6.

5. Численность их по отношению к мусульманскому населению было незначительным (132 чеченца и 13 чеченок): см. «О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1895. № 9. С. 60; О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1896. № 3. С. 15; Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. Владикавказ, 1899. № 7. С. 81.

6. Из журнала особого совещания по мусульманским делам. 15.05.1914 г. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 3340б.

Д.А. Толстой: «...конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [29, с. 23]. В этот период главным посылом в сфере образования для горцев со стороны правительства была их полезность как граждан «не на воинственном, а преимущественно на мирном поприще, но при этом не отказываясь от своих природных нравов, обычаев, верований...» [30, с. 300]. Хотя многие подчиненные и начальники округов занимали позицию о ненужности горцу какого-либо образования, отсутствие которого предоставит возможность «легче справляться с ними, чем, вооружив их знаниями» [31, с. 5].

Тем не менее, начавшийся процесс распространения русского национального сознания на другие народы через русский язык должен был стать попыткой вызвать у народов империи чувство принадлежности к России. Все это было звеньями одной цепи, применяемыми на практике имперскими чиновниками путем просвещения. Однако степень эффективности проекта была разной в регионах. Отметим, что слабые результаты были отмечены на Северном Кавказе и в Средней Азии по причине бытования здесь неподконтрольных государству мусульманских учебных заведений, составляющих особую часть социокультурного пространства. Учитывая повышенную религиозность населения края, в первых горских школах, организованных после окончания Кавказской войны во время деятельности наместника А.И. Барятинского, имел место симбиоз в обучении основ религиозного вероучения: православного и магометанского. Последнему уделялось особое внимание со стороны администрации края и инспекции, которые опасались того, что обратный процесс оттолкнет от школы учеников [32, с. 502].

Однако курс на внедрение русского языка составлял главную цель для имперской администрации. Учитывая тот факт, что не все горцы принимали полезность русского образования, организовать аульские школы и классы с преподаванием русского языка в них было крайне сложным, а «в некоторых местах было не просто трудным, но и невозможным»⁷. Причиной тому, по мнению российской администрации, было засилье «власти шейхов и мулл» в обществе, сильно препятствовавшее процессу «приобщения народа к общему порядку государственной жизни, его просвещению и сближению с русскими интересами»⁸. Еще во время Кавказской войны имела место практика назначения мулл российской администрацией. При мечетских школах (*мадраса*) преподавали муллы и кадии, прошедшие специальную подготовку при Дагестанском народном суде и получившие разрешение на преподавательскую деятельность. Так, еще в 1848 г. дербентский градоначальник и управляющий гражданской частью обратился к командующему войсками на Кавказе князю М.С. Воронцову с ходатайством утвердить Аджид-муллу Садыка в звании дербентского кадия как «благонамеренного» и преданного правительству подданного империи⁹. Подобная практика имела место и в последующие годы, но для этого не были выработаны соответствующие правовые основы¹⁰.

7. Черняевский А. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 12 сентября 1893 г. С. 1–2.

8. Из Отчета военного губернатора о состоянии Дагестанской области за 1914 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70. Л. 2.

9. Из переписки наместника на Кавказе с командующим войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае и Дербентским военным губернатором об утверждении Шемахинского жителя Аджид Моллы Садыка Дербентским кадием. 1848 г. // ЦГА РД. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

10. В 1873 году была утверждена «Инструкция о порядке испытания на вступление в мусульманское духовенство» // Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 28. Л. 31–32.

После окончания Кавказской войны в селах Северо-Восточного Кавказа появились первые светские школы.

Прогрессивная часть из числа местного населения осознавала, что в новых модернизационных условиях знание русского языка просто необходимо. В Дагестане, в частности, в высокогорной ее части, имели место случаи сбора средств местными жителями на строительство школ [33, с. 59].

В конце XIX – начале XX в. непростая международная обстановка и распространение пропагандистских идей турецких агентов на Кавказе среди мусульманского населения с призывом не повиноваться российским властям вынудили последних с особым вниманием относиться к деятельности мусульманского духовенства и педагогического персонала в школах. В одном из предписаний начальника Бакинского губернского жандармского управления по розыску полковника С.Ф. Северитовского помощнику в Дагестанской области указывалось «напрячь все усилия к самому детальному освещению настроения населения вверенного Вам района во всех сферах общественной жизни...»¹¹.

Одним из мероприятий в рамках этой деятельности стала попытка принудительного введения русского языка в официальное делопроизводство в начале XX в., обернувшаяся антиписарским восстанием в горных аулах Дагестана. Необходимость реформы была продиктована не только проведением русификаторской политики, но и незнакомством российских чиновников с арабской письменностью, что, в свою очередь, мешало им осуществлять контроль за деятельностью сельских должностных лиц, т.е. мусульманского духовенства¹². Аналогичные ситуации имели место и в других мусульманских регионах, где насильственные попытки ввести русский язык были также отмечены провалом для имперских чиновников [4, с. 243].

Заключение

Одной из первостепенных задач для российской власти в регионе после окончания Кавказской войны было осуществление интегративных практик, идеологическим обоснованием которых служил процесс «русификации». Политика по включению русского компонента проявилась во многих сферах жизни народов, проживавших на периферии государства. Значительный русифицирующий потенциал несла переселенческая политика. Совместное проживание русского и северокавказских народов вызвало к жизни процесс взаимной аккультурации, что проявилось главным образом в быту, в хозяйственном плане, а также во взаимодействии норм поведения.

Представленный в данной статье к рассмотрению социокультурный вектор, – православная миссия и светское образование на русском языке в инокультурной среде, стали не только политическими составляющими процесса интеграции, но и взаимодополняющими факторами. Несмотря на определенные успехи в рассматриваемых сферах, признавалось наличие и провальных тенденций, особенно в религиозной сфере. Здесь демонстрировалось взаимоуважительное отношение, достигаемое сведенными до крайнего минимума контактами противоборствующих сторон.

11. Из агентурных сведений о движении панисламизма среди мусульманского населения Дагестанской области. 1916 г. // ЦГА РД. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26. Л. 1

12. Из Отчета военного губернатора Дагестанской области за 1913 г. // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. С. 5

В целом причиной сворачивания многих мероприятий по русификации региона происходило по причине из-за весьма расплывчатых представлений об способах интеграции коренных народов империи в единое целое. У властей отсутствовали единые подходы и методы осуществления данной политики. Также не были учтены многие факторы, прежде всего, традиционный уклад хозяйства и устойчивые мировоззренческие ориентиры населения, формируемые развитой системой конфессионального образования на Северо-Восточном Кавказе. Не всегда учитывались и географические особенности местности.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках госзадания FMSW-2022-0019 «Восточный Кавказ в составе Российской империи: опыт интеграции и модернизации».

Acknowledgement. The publication was prepared within the framework of the state assignment FMSW-2022-0019 “The Eastern Caucasus as part of the Russian Empire: experience of integration and modernization.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. – 656 с.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.
3. Андреев А.А., Гром О.А., Дмитриева Н.А., Крот М.Н., Нарежный А.И., Урушадзе А.Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2020. – 608 с.
4. Центральная Азия в составе Российской империи: коллективная монография / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
5. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов и др. М.: Славян. диалог, 1997. – 415 с.
6. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Авториз. пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 548 с.
7. Кappelер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. / Пер. с нем.: Червонная С.М., 1997. – 343 с.
8. Hagen M., von. The Russian empire // After empire: Multi-ethnic societies and nation building. Boulder, 1997. P. 58–72.
9. Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; отв. ред. Шевырин В.М. М., 2003. – 92 с.
10. Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2021. – 648 с.
11. Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. – 608 с.
12. Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: «Новое литературное обозрение», 2010. – 1000 с.
13. Кэмпбелл Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. – 207.
14. Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современ-
1. Gerasimov IV., Glebov SV., Kaplunovsky AP., Mogilner AB., Semenov AM. (eds.). *New imperial history of the post-Soviet space*. Kazan: Center for Research on Nationalism and Empire, 2004. (In Russ)
2. Dameshek LM., Dameshek IL. *The Outskirts of the Russian Empire: institutions and bureaucracy of the XIX – early XX century*. Irkutsk: Irkutsk State University, 2015. (In Russ)
3. Andreev AA., Grom OA., Dmitrieva NA., Krot MN., Narezhny AI., Urushadze AT. *National Regions in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought*. Ed. by A.T. Urushadze. Rostov, 2020. (In Russ)
4. Abashin SN., Arapov DYu., Bekmahanova NE. (eds.). *Central Asia as part of the Russian Empire*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. (In Russ)
5. Agadzhanov SG., Muhamed'yarov ShF., Trepavlov VV. *The National outskirts of the Russian Empire: the formation and development of the management system*. Moscow: Slavyanskyi Dialog, 1997. (In Russ)
6. Jerasi R. *Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013. (In Russ)
7. Kappeler A. *Russia as a Multinational Empire: Emergence. History. Disintegration*. Moscow, 1997. (In Russ)
8. Hagen M., von. *The Russian empire. After empire: Multi-ethnic societies and nation building*. Boulder, 1997: 58-72.
9. Bolshakova OV. *The Russian Empire: A Management System (Modern Foreign Historiography)*. Analytical review. Moscow, 2003. (In Russ)
10. *People of the Empire – Empire of People: Personal and Institutional History of the Asian Outskirts of Russia*. Collected articles. Omsk: Omsk State University, 2021. (In Russ)
11. Dolbilov M., Miller A. (eds.). *The Western Periphery of the Russian Empire*. Moscow, 2006. (In Russ)
12. Dolbilov M. *The Russian Land, a Foreign Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander the Second*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2010. (In Russ)
13. Campbell EI. “United and indivisible Russia” and the “Foreign question” in the imperial ideology of autocracy. *The Space of power: the Historical experience of Russia and the Challenges of Modernity*. Moscow, 2001. pp. 206–207. (In Russ)

ные вопросы / А. Е. Алекторов. СПб.: Тип. И. Леонтьева, 1906. – 134 с.

15. Штернберг Л.Я. Иногородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского. СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1910. С. 529–574.

16. Кавелин К. Д. Наши иногородцы и иноверцы. М.: Правда, 1907. – 14 с.

17. Иногородческий вопрос и идея федерализма в России / А.А. Сидоров. М.: Тип. В.М. Саблина, 1912. – 68 с.

18. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. – 240 с.

19. Яковлев П. Современные вопросы и нужды в деле просвещения иногородцев. Сборник статей по иногородческому делу. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 14 с.

20. Фадеев Р.А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. Лебедев С.В., Линицкая Т.В. / Предисл. и коммент. Лебедева С.В. / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 992 с.

21. Евреинов Г.А. Национальные вопросы на иногородческих окраинах: Схема политической программы: малороссы, Царство Польское, белорусы и Литва, прибалтийские губернии, Финляндия, Кавказ. СПб.: Тип. А.Бекке, 1908. – 130 с.

22. Долгушин А.А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний России // Терский календарь на 1907 г. Издание Терского областного статистического комитета / под ред. Г.А. Вертепова. Выпуск шестнадцатый. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1907.

23. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. – 752 с.

24. Будилевич А.С. Может ли Россия отдать иногородцам свои окраины? СПб.: Типография А.С. Суворина, 1907. – 75 с.

25. Халидова О.Б. Мусульманское население Кавказа в имперскую эпоху: к вопросу о религиозной политике России в крае // Вестник Дагестанского научного центра. 2015. № 58. С. 84–87.

26. Хapизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Тысяча лет истории одного джамаата. Урада и урадинцы. Махачкала: МавраевЪ, 2021.

27. История ислама в России / под общей редакцией Р.М.Мухаметшина. Казань: Российский исламский институт, 2022. 554 с.

28. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. Казань, 1982. – 98 с.

29. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич: Очерк жизнеописания его имп. высочества: В 2 ч. / Сост. Д.П. Струков. – Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1906. – 769 с.

30. Катков М.Н. Идеология охранительства / Составление, предисловие и комментарии: Климаков Ю.В. / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 800 с.

31. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в.: публицистика. М.: Педагогика, 1976. – 593 с.

32. Маламагомедов Д.М. Система исламского образования в Дагестане в XI – начале XX вв. // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-4. С. 164–168.

33. Далгат Э.М., Абдулаева М.И., Халидова О.Б. Инкорпорация Северо-Восточного Кавказа в культурное пространство России: Идеи и реалии // Вопросы истории. 2022. № 8–2. С. 57–65.

14. Alektorov A.E. *Foreigners in Russia. Modern questions*. St. Petersburg: I. Leontiev's Press, 1906. (In Russ)

15. Sternberg L.Ya. *Foreigners. General overview*. St. Petersburg: Obshestvennaya Polza, 1910: 529–574. (In Russ)

16. Kavelin K.D. *Our foreigners and gentiles*. Moscow: Pravda, 1907. (In Russ)

17. Sidorov A.A. (ed.). *The foreign question and the idea of federalism in Russia*. Moscow: V.M. Sablin's Press, 1912. (In Russ)

18. Berdyayev N.A. *Russian idea. About Russia and Russian philosophical culture*. Moscow, 1990. (In Russ)

19. Yakovlev P. *Modern issues and needs in the education of foreigners*. Collected articles. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov's Press, 1907. (In Russ)

20. Fadeev R.A. *State and order. Russia and the Caucasus*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2010. (In Russ)

21. Evreinov G.A. *National issues on the foreign regions: The scheme of the political program: the Maloros, the Kingdom of Poland, Belarusians and Lithuania, the Baltic provinces, Finland, the Caucasus*. St. Petersburg: A. Beck's Press, 1908. (In Russ)

22. Dolgushin A.A. On resettlement to the Terek region from the internal provinces of Russia. *Terek calendar for 1907*. Issue 16. Vladikavkaz: Printing house of the Terek regional government, 1907. (In Russ)

23. *The history of centuries-old relationships and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia*. Makhachkala, 2009. (In Russ)

24. Budilovich A.S. *Can Russia give its periphery to foreigners?* Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Press, 1907. (In Russ)

25. Khalidova O.B. The Muslim population of the Caucasus in the imperial era: on the issue of Russia's religious policy in the region. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of RAS*. 2015, 58: 84–87. (In Russ)

26. Khapizov Sh.M., Abdumazhidov R.S., Shekhmagomedov M.G. *A thousand years of the history of one Jamaat. Urada and Uradins*. Makhachkala: Mavraev, 2021. (In Russ)

27. *The History of Islam in Russia*. Kazan: Russian Islamic Institute, 2022. (In Russ)

28. Makhmutova A.H. *The formation of secular education among the Tatars*. Kazan, 1982. (In Russ)

29. August General-Feldzeichmeister Grand Duke Mikhail Nikolaevich: *An essay on the life of his Highnesses*. In 2 volumes. St. Petersburg: P.P. Soykin's Press, 1906.

30. Katkov M.N. *Ideology of protection*. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. (In Russ)

31. *Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. The second half of the XIX century: journalism*. Moscow: Pedagogy, 1976. (In Russ)

32. Malamagomedov D.M. The system of Islamic education in Dagestan in the XI – early XX centuries. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022, 74-4: 164–168. (In Russ)

33. Dalgat E.M., Abdulayeva M.I., Khalidova O.B. Incorporation of the North-East Caucasus into the cultural space of Russia: Ideas and realities. *Voprosy istorii*. 2022, 8-2: 57–65. (In Russ)

Поступила в редакцию 12.04.2023г.

Принята в печать 22.05.2023 г.

Опубликована 15.03.2024 г.

Received 12.04.2023

Accepted 22.05.2023

Published 15.03.2024